

«В тот день Маяковский... был в плохом изнервленном настроении, от этого держался с вызывающей надменностью и протянул юному композитору всего два пальца. Шостакович, несмотря на пиетет перед великим поэтом, все-таки не сдался... и протянул ему в ответ один палец. Тогда Маяковский дружелюбно расхохотался и протянул композитору всю пятерню: «Ты далеко пойдешь, Шостакович!»

Будучи артистом Камерного музыкального театра, которым до сих пор руководит его основатель Борис Александрович Покровский, я участвовал в постановке оперы Шостаковича «Нос». Это одно из самых любимых произведений Дмитрия Дмитриевича, с которым в то же время у него были связаны весьма драматические переживания.

Оперу «Нос» Шостакович написал в возрасте 22 лет. Как первая советская опера она была принята к постановке Ленинградским Малым оперным театром («Малегот»). 16 июня 1928 года состоялось концертное исполнение оперы. Уже после первого акта стало ясно, что сочинение никого не оставит равнодушным. В антракте одни бурно выражали восторг, другие чуть ли не с пеной у рта требовали выбросить со сцены скверный гоголевский анекдот про какого-то там майора Ковалева, у которого пропал нос. Да и музыка в спектакле антимелодична. Скорее это шумовая приправа.

И все-таки появилось решение о постановке оперы «Нос» на сцене Государственного Ленинградского малого оперного театра. 18 января

Эту сценку из жизни Дмитрия Дмитриевича рассказал один журналист, которому в свою очередь ее поведал сам великий музыкант. Маяковский не ошибся. Шостакович - один из самых исполняемых сейчас композиторов. Весь мир готовится в этом году отметить его столетие. Публикуется множество статей о нем, воспоминаний... Так случилось, что я тоже имел счастье видеть маэстро в работе, наблюдать за ним...

На снимке: 1 - Дмитрий Шостакович, 2 - Борис Покровский, 3 - Геннадий Рождественский, 4 - Анатолий Бойко.

«НОС» - ОРУДИЕ ДАЛЬНОБОЙНОЕ

ря 1930 года состоялась премьера. Появившиеся после нее критические статьи были резко неодобрительными. Публиковались они не в приличествующих случаю изданиях, например «Театр», «Искусство», «Музыкальная жизнь», а скорее, в околмузыкальных. «Сюжет «Носа» ни в коей доле не имеет отношения к тематике, которая может интересовать современного зрителя», - рапортовал полусамодельный журнал «Рабочий и театр». Критик Моисей Янковский, знаток научных трудов Зигмунда Фрейда, написал статью, из которой следовало, что Дмитрий Шостакович как «композитор бесспорно был увлечен сексуальной подоплекой, фактически привел к Гоголю к написанию «Носа». Другая весьма известная тогда личность, Соломон Гресс, который в то время работал над книгой «Анархизм в царской России», все в том же журнале «Рабочий и театр» (№ 10, 1930 г.) опубликовал статью с броским названием «Ручная бомба анархиста». В ней обращалось внимание советской общественности на то, что «в целом «Нос» - это еще и явление разрушительное».

Ситуация в стране в роковые 30-40-е хорошо сейчас известна. Можно представить, что чувствовал Дмитрий Шостакович после премьеры 18 января 1930 года, читая подобного рода статьи. Приведу лишь два отрывка из его писем, не публиковавшихся при жизни. Первое адресовано режиссеру-постановщику Смоличу: «Дорогой Николай Васильевич! Неожиданно со мной случился сердечный припадок и я не мог Вас проводить. Простите меня. Так мы расстались с вами не попрощавшись. Что же написать мне вам на прощание? Лишний раз благодарить вас за «Нос»? Считаю лишним. Я уже неоднократно говорил Вам, что Ваша работа для меня событие на всю жизнь. С Вашей стороны была проявлена масса таланта, энергии и героизма. Очень тяжело переживаю статьи Музалевского, Гвоздьева, Янковского и Гресса и других... злорадство «друзей и знакомых», что «Нос» провалился...»

А вот отрывок из письма, адресованного директору театра Малогет Любинскому: «Дорогой Захар Исаакович! Настоящее мое письмо, вероятно, удивит Вас. В самом деле, чрезвычайно странную просьбу имеет к Вам автор оперы «Нос». Автор оперы «Нос» обращается к Вам со следующей просьбой: я Вас прошу сделать немедленное распоряжение о немедленном снятии оперы «Нос»... Безусловно мне очень неприятно просить Вас об этом, но, подумавши, решил это сделать. «Нос» провалился. В то же время «Нос» сделал свое дело - «Нос» может уйти. Я убежден в том, что «Нос» - это одно из удачнейших моих сочинений... Я еще раз приношу мою громадную благодарность Вам за то, что «Нос» увидел свет рампы, благодарен на всю жизнь. А теперь прошу Вас эту оперу снять. С приветом Д. Шостакович. После слов. Прошу Вас держать мое письмо и мою просьбу в совершенном секрете».

Любой человек, прочитавший эти отрывки, поймет, что автор находился в стрессовом состоянии. Одно лишь слово «Нос» повторил десять раз (!). Этот совсем еще молодой человек, которому было немногим более 23 лет, падал в обморок, с ним случались сердечные приступы...

Пройдет несколько лет. В 1940-1941 годах будет арестован, а затем расстрелян В.Э. Мейерхольд. Созданный им театр тут же закроют. В 1950 году перекроют кислород замечательному Камерному драматическому театру под руководством Александра Таирова. Однако спустя четверть века в нашей столице появится на свет новый театр, но уже не драматический, а Камерный музыкальный.

Его труппу сформировал Борис Покровский - крупный оперный режиссер-новатор, отмеченный правительством всевозможными званиями, наградами, премиями. Артисты были все молодые, выпускники Московской консерватории им. Чайковского, Театрального института им. Луначарского, Музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

Морозным январским вечером 1972 года на сцене драматического театра им. К.С. Станиславского он давал

свой первый спектакль - оперу известного советского композитора Родиона Щедрина «Не только любовь». В зале присутствовал и Дмитрий Дмитриевич Шостакович, а после пришел за кулисы, чтобы поздравить молодой театр с рождением.

Дирижер Владимир Дельман, под чьим управлением мы дебютировали, сказал: «Запомните этот зимний вечер. Пройдут годы - и вы будете с гордостью вспоминать и рассказывать своим детям и внукам, что вас благословлял и жал руки композитор, которого еще в юности называли вторым Моцартом!»

В начале лета того же года мы показывали живому классику его оперное сочинение «Нос». Мы еще не смогли овладеть его невероятно сложным и новым для нас музыкальным языком. Дмитрий Дмитриевич разволновался и заговорил несколько сбивчиво: «Вы знаете, я тогда был еще молод. Это бы надо, надо пере-де-лать». Мы все зашумели: «Все прекрасно, не надо ничего переписывать. Мы все уже выучили и сейчас Вам споем». И... спели! Композитор, кажется, остался доволен. А Б.А. Покровский весело сказал: «Продолжаем работать, но только более тщательно». Он предложил поработать над оперой

«Нос» и уже всемирно известному дирижеру Геннадию Николаевичу Рождественскому. И услышал от него: «Это труднейшая опера. Ее невозможно поставить не только с молодежью, но и со взрослыми артистами. У нас не умеют петь такую музыку, не умеют быть в ней дисциплинированными. И вряд ли здесь что-нибудь поможет!» Но Покровский никогда не отступал от своих замыслов, хотя наш театр переживал период не из легких. Мы гастролировали по таким, извините, «медвежьим углам», которые не сразу-то отыщешь на отечественной географической карте. Помещение своего не имели. А тут еще ДК, где репетировали, решил на более выгодных условиях уступить наше место ансамблю «Машина времени»... Мы оказались вовсе без репетиционной базы.

Директор симфонического оркестра кинематографии, базировавшегося тогда на Среднем бульваре, пустил нас к себе, ограничив время репетиции четырьмя часами. И вот в таких условиях шла работа над оперой «Нос».

Однако происходили и перемены к лучшему. Геннадий Рождественский все же согласился не только на участие в постановке «Носа», но и на должность главного дирижера Камерного музыкального театра!

Закончились для нас скитания по чужим углам. Мы наконец-то получили постоянную прописку в подвале, находившемся рядом с метро «Сокол». Сознание того, что в нас поверил Д.Д. Шостакович, давало такой прилив творческих сил, что мы трудились с раннего утра до полуночи. На некоторые особо важные репетиции приезжал и Дмитрий Дмитриевич. Он был человеком, несмотря на свою мировую славу, невероятно скромным и застенчивым. Прежде чем сделать певцу или музыканту какое-нибудь замечание, долго извинялся. Но это не мешало ему требовать от артистов многократного повторения неудачного, на его взгляд, исполнения.

Наш театр тогда находился ниже уровня метро «Сокол». Воздуха и так не хватало, а тут еще вентиляция регулярно выходила из строя. Работать в таких условиях было физически чрезвычайно трудно. Шостаковичу особенно: он уже тяжело болел, с трудом преодолевал несколько ступенек у входа в свой подъезд. Лестница же в наш подвал состояла из трехступенчатых маршей. Однажды он почувствовал себя настолько плохо, что Ярослав Радионик, молодой актер богатейского телосложения, подхватил композитора на руки и вынес его из подвала. Дмитрий Дмитриевич сначала разволновался, а потом вдруг спросил: «Скажите, а вам не трудно меня нести?»

12 сентября 1974 года состоялась долгожданная премьера оперы «Нос». Желающих попасть в театр было столько, что они заполнили тротуар от театра до Ленинградского проспекта. Собрался весь высший административный, театальный и музыкальный свет столицы. Но подвальчик наш мог вместить чуть больше двухсот зрителей.

И люди стояли везде: у стен, дверей, запасного выхода, нарушая пожарные инструкции. Среди этих счастливых возвышался один из величайших пианистов мира - Святослав Рихтер. Он вежливо отказался от места в первом ряду, сказав: «Музыку Шостаковича я буду слушать стоя».

...По окончании спектакля аплодисментам, цветам, овациям, крикам «браво», казалось, не будет конца. Виножник торжества сидел усталый, но счастливый. На прощание он сказал актерам: «Спасибо. Вы возродили мое несчастное, многострадальное сочинение. Я грешным делом уже подумывал, что... не доживу до этого счастливого вечера».

Опера «Нос» стала пользоваться невероятным успехом. Люди составляли списки, чтобы попасть в театр, дежурили по ночам... Артистов стали узнавать на улице, в метро, появились хвалебные статьи, редакторы ТВ, радио, газет, журналов частенько «ныряли» в наш подвал. Нас даже «заметил» министр культуры СССР П. Демичев, который как-то сказал Б.А. Покровскому: «Мне очень хочется прийти к вам как-нибудь в театр. Но не могу. Нам запрещено. Ведь у вас нет правительственной логи!»

С оперой «Нос» наш театр объездил весь мир. Везде она вызывала истинное восхищение.

И сейчас, спустя три с лишним десятилетия, она с успехом идет в нашем театре. А труппа счастлива, что Шостакович успел увидеть триумф своего шедевра. Хотя, надо сказать, еще в 1930 году, когда был впервые исполнен «Нос» и Шостакович подвергся злобной критике, нашлись люди, которые отлично понимали ценность этого произведения. Широко известный в ту пору музыкальный и театальный критик Иван Соллертинский не убоился окриков цензора, встал на защиту оклеветанного композитора и публично сказал: «Нос» - орудие дальнобойное! Время лишь подтвердило это.

Анатолий БОЙКО

ОТ РЕДАКЦИИ. Долгая и тесная дружба связывала Дмитрия Дмитриевича Шостаковича с профессором Ленинградской консерватории И.Д. Гликманом. Сегодня мы публикуем одно из писем композитора другу, которое ярко отражает отношение Д.Д. Шостаковича к формализму и казенщине официальной пропаганды. Читатели наверняка оценят и наблюдательность, и тонкий юмор автора письма в условиях, когда сам он и его музыка были, мягко говоря, не в чести.

Письмо публикуется по тексту журнала «Иллюстрированная Россия», № 1, 1993 год.

*<29.XII.1957. Одесса>
Дорогой Исаак Давыдович!
Приехал я в Одессу в день всенародного праздника 40-летия Советской Украины. Сегодня утром я вышел на улицу. Ты, конечно, сам понимаешь, что усидеть дома в такой день нельзя. Несмотря на пасмурную туманную погоду, вся Одесса вышла на улицу. Всюду портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а также т.т. А.И. Беляева, Л.И. Брежнева, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, Н.Г. Игнатова, А.И. Кирилленко, Ф.Р. Козлова, О.В. Куусинена, А.И. Микояна, Н.А. Мухитдинова, М.А. Сулова, Е.А. Фурцевой, Н.С. Хрущева, Н.М. Шверника, А.А. Аристов, П.А. Поспелова, Я.Э. Калнберзина, А.И. Кириченко, А.Н. Косыгина, К.Т. Мазурова, В.Т. Мжаванадзе, М.Г. Первухина, Н.Т. Кальченко.*
Всюду флаги, призывы, транспаранты. Кругом радостные, сияющие русские, украинские, еврейские лица. То тут, то там слышатся приветственные возгласы в честь великого знамени Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а также т.т. А.И. Беляева, Л.И. Брежнева, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, Н.Г. Игнатова, А.И. Кирилленко, Ф.Р. Козлова, О.В. Куусинена, А.И. Микояна, Н.А. Мухитдинова, М.А. Сулова, Е.А. Фурцевой, Н.С. Хрущева, Н.М. Шверника, А.А. Аристов, П.А. Поспелова, Я.Э. Калнберзина, А.П. Кирилленко, А.Н. Косыгина, К.Т. Мазурова, В.Н. Мжаванадзе, М.Г. Первухина, Н.Т. Кальченко, Д.С. Коротченко. Всюду слышна русская, украинская речь. Порой слышится зарубежная речь представителей прогрессивного человечества, приехавших в Одессу поздравить одесситов с великим праздником. Погулял я и не в силах сдержать свою радость, вернулся в гостиницу и решил описать, как мог, всенародный праздник в Одессе.
*Не суди строго.
Крепко целую.
Д. Шостакович*